

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ

УДК 316.324.8

© Якунин В.И.

Постиндустриализм: опыт критического анализа

В Центре проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования (Москва) недавно закончен цикл исследований, посвящённых проблеме генезиса концепта постиндустриального общества. Настоящая статья подготовлена по итогам этих исследований научным руководителем В.И. Якуниным и предложена для опубликования в нашем журнале.

**Владимир Иванович
ЯКУНИН**

доктор политических наук, научный руководитель Центра проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования (Москва), президент ОАО «РЖД»
frpc@cea.ru

Теория постиндустриального общества или постиндустриализма — весьма интересное явление в гуманитарной науке. Предлагая определенный объяснительный и прогностический потенциал для понимания особенностей развития современного мира, она одновременно демонстрирует и признаки политического, проектного и даже манипулятивного содержания. Разобраться в этих деталях предлагает настоящее исследование. Вопрос оказывается не таким простым, как может показаться.

Проблема «постиндустриализма» лежит не только в плоскости социально-экономического развития. Та настойчивость, с которой средства массовой информации и многочисленные публицисты пытаются внедрить ее в общественный дискурс, заставляет задуматься о политическом аспекте вопроса.

Концепция постиндустриального общества повсеместно представляется как устоявшаяся и получившая подтверждение научная теория. Однако каково соотношение в ней науки и политики?

Эта проблема звучит нетривиально, особенно в современную эпоху, когда на смену прямым путям обеспечения политического доминирования держав на мировой арене пришли механизмы латентного контроля над основными рычагами управления процессами мирового развития. В общем виде вопрос звучит так: могут ли применяться науки и для иных способов ведения войны и поражения геополитического противника¹ в триаде «люди, материальные объекты и инфраструктуры»? Могут ли для этого применяться гуманитарные науки?

¹ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. — М., 2006.

И действительно, если, например, внушить руководству страны геополитического противника ложную теорию развития и оно поведет страну в тупик, то с ним даже воевать в привычном смысле не нужно. Посмотрим на новейшую историю. Разве в подобных случаях не меняется, например, национальный флаг страны геополитического противника? Его руководство не становится сателлитным и марионеточным? Даже без «горячего» завоевания территории?

Ответ очевиден. Все это действительно имеет место в современном мире. Относится ли это к методам и самому ведению войны между государствами? Безусловно. Остается лишь два вопроса.

1. Как называется этот современный тип оружия и способы его применения, т.е. тип военных действий, тип современной войны?

2. Какие науки применяются для разработки этого типа оружия и способов его применения?

Оружие называется «информационное». Инструментарий общественных наук, будучи использованным именно как научный, а не в качестве обрамления элементарной демагогии, становится сегодня мощнейшим рычагом воздействия на социально-политические процессы в мировом масштабе. Было ли и есть ли у России оборонительное «информационное оружие»? Применяется ли оно? Очевидно, что проблемы информационной безопасности у нас серьезно недооцениваются².

В этом контексте в данной работе и рассматривается концепция постиндустриализма, имеющая все внешние признаки искусственной теоретической модели, используемой с вполне конкретными политическими целями.

² Якунин В.И., Багдасарян В.Э., Сулакшин С.С. Новые технологии борьбы с российской государственностью. — М.: Научный эксперт, 2009.

Именно поэтому верификация теории постиндустриального общества является на сегодняшний день насущной необходимостью не только с точки зрения чисто научной целесообразности, но и с позиций обеспечения национальной безопасности России. Что реально — истинность или ошибочность теории постиндустриального общества? Заблуждения или умысел при практической ориентации на эту теорию, если она недостоверна и разрушительна?

Эти вопросы составляют содержание поставленной исследовательской задачи. Рабочая гипотеза звучит следующим образом. Ряд стран перераспределяют свои национальные производственные потенциалы в мировом пространстве, выводя некоторые из них в иные государства и при этом оставляя себе сверхприбыльные, экологически не нагруженные отрасли. Таким образом, с помощью информационных приемов скрывается глобальная трансформация системы глобального доминирования и формирование основ неокOLONиализма. Суть исследовательского подхода, реализованного в рамках данного исследования, заключается в анализе теории постиндустриального общества, заложенной Д. Беллом, и ее наиболее близких модификаций, акцентированных на стадийно-отраслевом (секторальном) подходе как критерии развития общества и детерминанты будущих изменений. Пространством анализа здесь выступают отраслевая структура общественного производства (на предмет определяющей роли третичного сектора сервиса) и отраслевая структура занятости (на предмет возрастания доли занятости в секторе сервиса) как наиболее характерные признаки перехода к новому обществу (*рис. 1*).

Особое внимание здесь должно быть уделено проверке фундаментального положения теории постиндустриального общества об исторической периодизации типов технологического уклада общественного производства (*рис. 2*).

Рисунок 1. Пространство анализа стадийно-секторального подхода к трансформации общественных систем

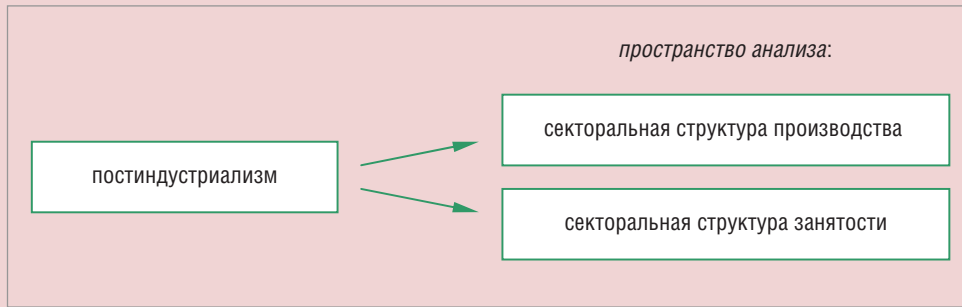
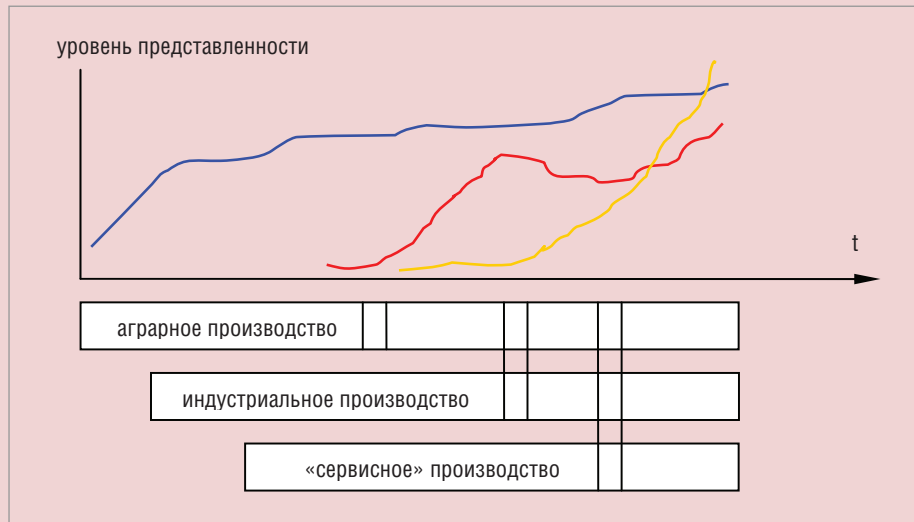

Рисунок 2. Историческая периодизация технологических типов производства в теории постиндустриального общества

Прежде всего, верификации подлежит тезис об универсальности указанного стадийного подхода и его критериев для классификации стран и регионов современного мира на предмет развитости. Основными задачами исследования являются:

- анализ теории постиндустриального общества, предпосылок и истории ее становления, основных течений и школ;
- изучение динамики секторальной структуры производства и занятости в различных странах, переосмысление структуры статистических данных;
- анализ на основе статистических данных пространственно-временной динамики различных типов структуры обществ;

– вскрытие манипулятивных и идеологических компонентов категории постиндустриального общества и ее употребления в качестве прикрытия современного неокOLONиализма;

– оценка перспектив социально-экономического развития России в контексте теории постиндустриального общества.

Представляется, что при решении поставленных задач в исследовании получены убедительные результаты, подтверждающие выдвинутые гипотезы.

Более чем за 50 лет своего существования теория постиндустриального общества получила огромное многообразие оценок в диапазоне от восторженной оценки как «единственной теории XX века, получив-

шей полные подтверждения» в реальной истории, до «антимарксизма» и «очередной буржуазной пропагандистской поделки». Фактически теория постиндустриализма вышла за рамки чисто научной концепции и превратилась в новейшую идеологию. Именно качества, присущие идеологемам, определяют основные свойства дискуссии вокруг идеи постиндустриального общества в научной и экспертной среде. Ниже будут даны основные спорные моменты, которые подмечены критиками и вокруг которых строится структура экспертной дискуссии на тему научности теории постиндустриального общества. При этом существенно осветить характер дискуссии, заостряя внимание на тех моментах, которые обеспечивают «живучесть» и широкое распространение идеологии постиндустриализма.

До сих пор лагерь адептов теории постиндустриализма не смог дать четкую дефиницию самого понятия «постиндустриальное общество». Двусмысленность при формулировании концепции постиндустриального общества была характерна еще для основателя теории Д. Белла.

Так в своей статье, посвященной Даниелу Беллу, В.Л. Иноземцев указывает, что уникальность концепции постиндустриального общества как раз и заключается в том, что «...она предоставляет в распоряжение исследователя некий общий инструментарий социального поиска, не задавая жестких рамок, которые были присущи другим социологическим доктринам»³. Отметим, что неясно, как такой подход сочетается с научностью, которая, как известно, требует четкости и предельной определенности всех базисных понятий, на которых строится исследование.

³ Иноземцев В.Л. Социология Даниела Белла и контуры современной постиндустриальной цивилизации // Вопросы философии. — 2002. — № 5.

Серьезной проблемой для апологетов постиндустриализма является и тот факт, что за полвека существования «теории постиндустриального общества» многие выводы и прогнозы, сделанные ее приверженцами, не подтвердились практикой.

Как это ни удивительно, последнее совершенно не вынуждает сторонников подвергать сомнению или пересматривать основные принципы постиндустриализма. Вместо этого в научной литературе здесь и там встречаются попытки самооправдания и апологетики теории постиндустриального общества. Это опять-таки объяснимо в рамках представления об определенной вненаучной заданности разработки.

Следует признать, что ряд выводов, которые делают исследователи-постиндустриалисты, действительно, основан не на анализе фактических данных, а на результатах применения методов, которые являются не вполне научными с точки зрения современной социологии. Так, например, в отсутствие «надежных социометрических данных», выводы обосновываются личными впечатлениями от жизни в Америке и Европе, от общения с западными коллегами, а также «осмыслением публикаций, косвенным образом проливающих свет на интересующие нас отличия»⁴.

Нецелостность представлений об обществе ставилась и ставится в укор сторонникам «постиндустриального общества» столь же часто, как и размытость самого понятия. Пресловутая приставка «пост», которая подразумевает отталкивание от индустриализма, никак не определяет «нового состояния цивилизации» через ее позитивные признаки.

⁴ Иноземцев В.Л. Постиндустриальное хозяйство и «постиндустриальное» общество: к проблеме социальных тенденций XXI века // Общественные науки и современность. — 2001. — № 3.

Стремясь избежать смысловой ловушки, апологеты постиндустриализма избежали концепты «информационного общества» (Ф. Махлуп и Т. Умесао), технотронного общества (З. Бжезинский) и также «общества знаний»⁵, однако данные теории страдают тем же пороком, так как в центре их внимания оказываются явления, вообще не определяющие общество как социальное целое.

Резкую отрицательную оценку получает сегодня технологический детерминизм, как убеждение, что технология играет основополагающую роль в эволюции общества, который, по мнению критиков, заключен в самом ядре концепции постиндустриального общества. Оппоненты концепции постиндустриализма резонно критикуют ее за отказ от рассмотрения социальной сферы, а значит мотивов, целей и социальных, экономических, гуманитарных результатов использования технологий.

Наконец, критики постиндустриализма настаивают не только на том, что, несмотря на появление новых изделий и изменение многих средств производства (внедрение автоматки, микроэлектроники, синтетических и композиционных материалов и т.д.), никаких принципиальных изменений в обществе не произошло⁶. Они также указывают на географическую локализацию многих «постиндустриальных» процессов, с чем трудно поспорить.

Подводя промежуточный итог анализу полемики вокруг теории постиндустриального общества, следует отметить, что позиция апологетов выглядит не очень устойчивой. Сторонники «постиндустриального общества» фактически ни по одному спорному моменту не опровергли своих оппонентов.

⁵ Иноземцев В.Л. За пределами экономического общества. — М., 1998.

⁶ Цаплин В.С. Постиндустриализм: оправданы ли претензии? // Социологические исследования. — 2006. — № 4.

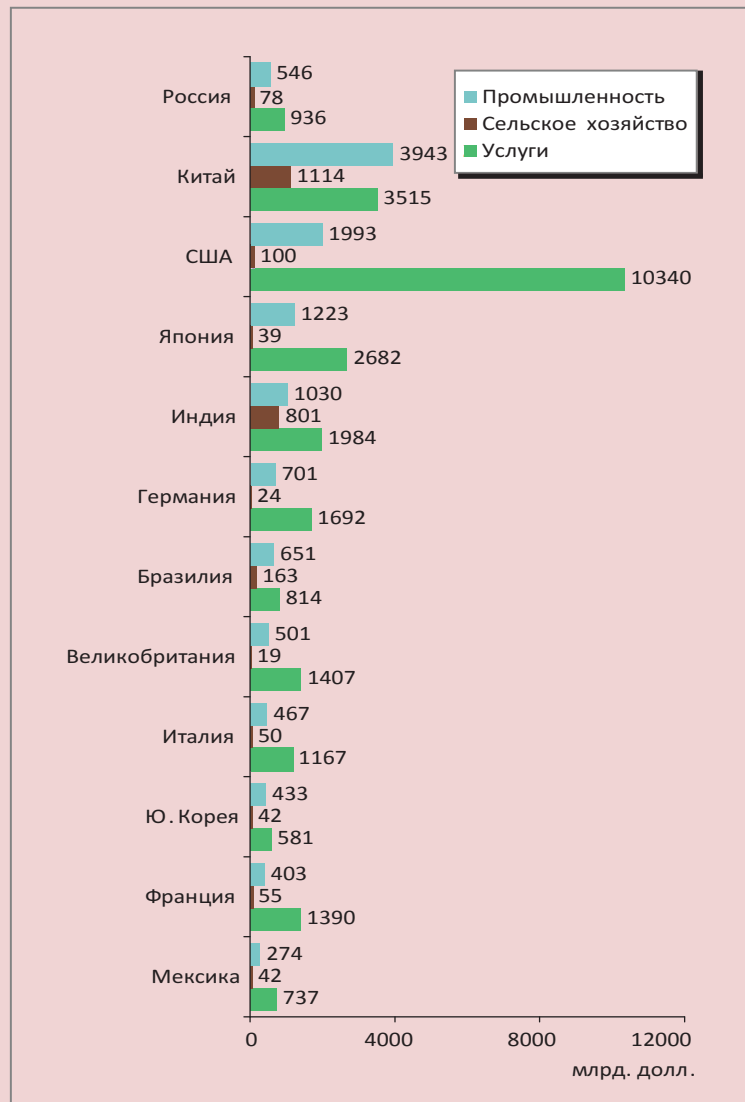
Особого осмысления в анализе теории постиндустриального общества требует феномен сервиса. С его развитием постиндустриализм связывает перспективы грядущего мироустройства. Именно сервису отводится основная стадийно замещающая роль в утверждении секторальной модели постиндустриального общества. Однако и в этом случае все не так просто.

И снова первое, что обращает на себя внимание, — это размытость дефиниций. Сколько бы то ни было общепринятого определения сервиса до сих не выдвинуто. Нет его не только в России, но и в западной науке. Ориентир постиндустриального развития — сервис, но что это такое, никто не знает. Его генезис традиционно объясняется развитием процесса разделения труда в формировании новых профессиональных ниш деятельности. Однако более детальный исторический анализ позволяет увидеть значительную долю лиц, профессионально связанных с сервисной деятельностью уже в традиционных обществах.

Концепт стадийности в отношении сервисизации как компонента постиндустриализма убедительной истиной не выглядит. Сервис исторически формируется параллельно с древнейшими формами производящего хозяйства, а не следуя за ними стадийно. Так называемая «сервисная революция», о которой много пишут апологеты постиндустриализма, на самом деле сводится к разбуханию определенного сектора сферы услуг в течение последних 40 лет в ряде развитых стран Запада. Таким образом, она демонстрирует четкую географическую «прописку» (см. рис. 3).

Одновременно с деиндустриализацией Запада идет активный процесс роста промышленного потенциала стран бывшего «третьего мира».

Рисунок 3. ВВП ведущих стран мира по отраслям производства на 2005 г. (по данным ИМЭМО РАН)

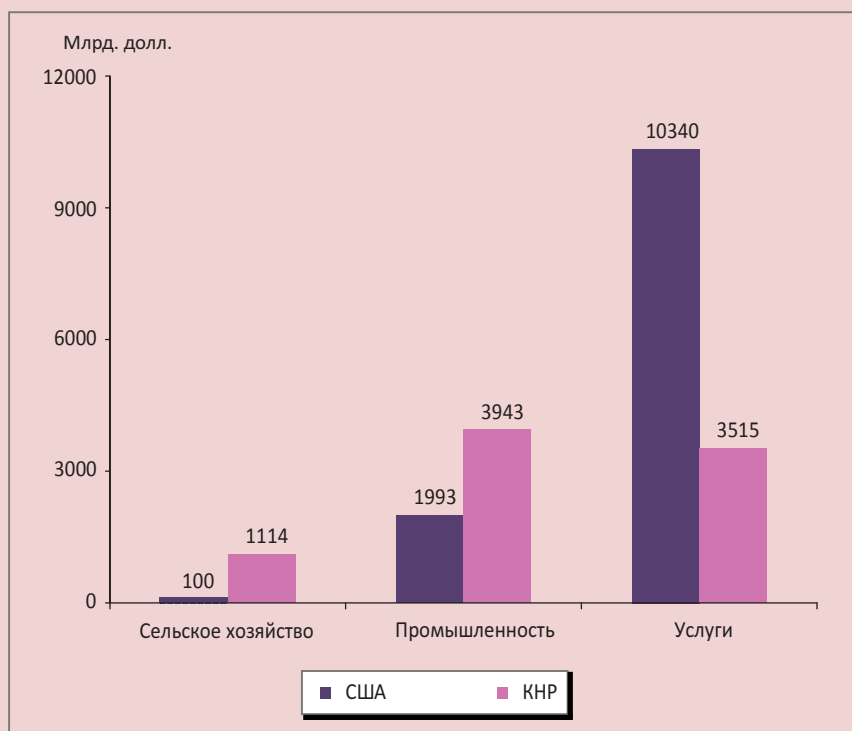
Существующий уровень заработной платы азиатских и латиноамериканских рабочих делает более выгодным размещение индустриального производства в Азии или Латинской Америке, чем в Северной Америке или Европе. Издержки, посредством сэкономленной части оплаты труда, оказываются при таком перемещении существенно ниже. Дополнительный бонус еще и в том, что выводятся на иные континенты и нагрузки на природу.

Логика максимизации прибыли заставляет европейский и американский бизнес

переводить производство в другие регионы мира, способствуя тем самым возрастанию индустриальной мощи крупнейших западных центров силы. Китай по доли промышленности в ВВП уже опередил США (рис. 4).

Высвобождаемые из сферы товарного производства западные индустриальные рабочие переквалифицируются в работников непродовственных отраслей. Таким образом, бурное развитие на Западе сервисной инфраструктуры есть прямое следствие его деиндустриализации.

Рисунок 4. Сравнение ВВП США и КНР по отраслям производства, в млрд. долл. (2005 г.)
(по данным ИМЭМО РАН)

Концепция постиндустриализма достаточно часто, во всяком случае, в российском общественном дискурсе, используется как теоретическая основа обоснования мировых трендов⁷.

Однако анализ длинных статистических рядов развития мира по показателям структуры занятости и структуры ВВП позволяет утверждать, что декларированных трендов постиндустриального развития мира в действительности не существует.

⁷ Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество: опыт социального прогнозирования. — М., 1999; Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / под ред. В. Иноземцева. — М., 1999; Тоффлер Э. Третья волна. — М., 2004; Красильщиков В.А. Ориентиры грядущего: постиндустриальное общество и парадоксы истории // Общественные науки и современность. — М., 1993. — № 2; Иноземцев В. Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспективы. — М., 2000; Хорос В.Г. Постиндустриальный мир — ожидания и реальность. — М., 2001; Уэбстер Ф. Теория информационного общества / пер. с англ. М.В. Арапова, Н.В. Малыхиной; под ред. Е.Л. Варталовой. — М., 2004.

Более того, человечество в XXI веке, судя по структурной динамике роста в развивающихся наиболее стремительными темпами странах — Китае, Индии, Бразилии, — вступило в фазу неоиндустриализации.

Четко наметилась тенденция перемещения основных индустриальных центров в страны Азии и Латинской Америки. Особо наглядно происходящий экономический надлом Запада выглядит на фоне развития экономики Азии (рис. 5)⁸.

Устойчивый рост удельного веса занятости в промышленном секторе фиксируется в двадцатом столетии по всем не относящимся к Западу географическим ареалам (рис. 6).

⁸ Лунев С.И. Социально-экономическое развитие крупнейших стран Евразии. Цивилизационный контекст // Восток-Запад-Россия. — М., 2002; Maddison A. Monitoring the World Economy, 1820 — 1992. — Paris, 1995; Radelet S., Sachs J. Asia's Reemergence // Foreign Affairs. — 1997. — Vol. 76. — № 6.

Рисунок 5. Доля западного и азиатского миров в общем объеме мирового производства (по данным ИМЭМО РАН)

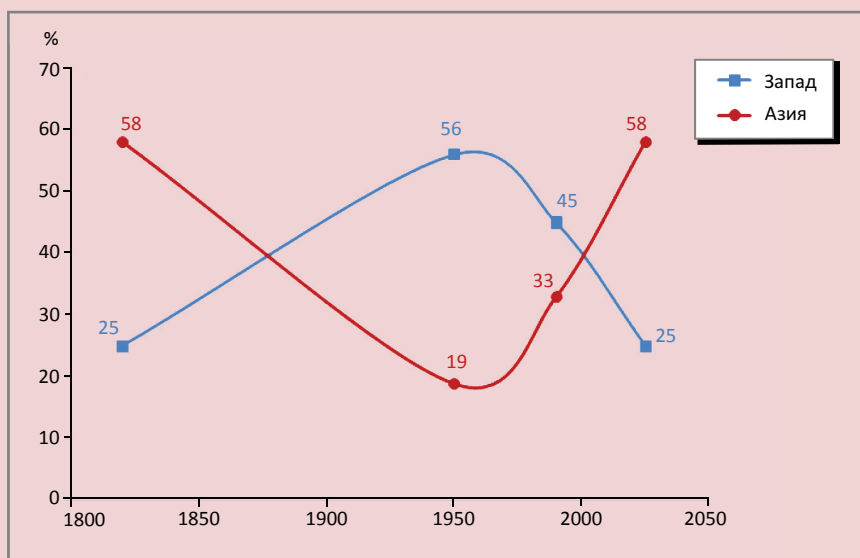
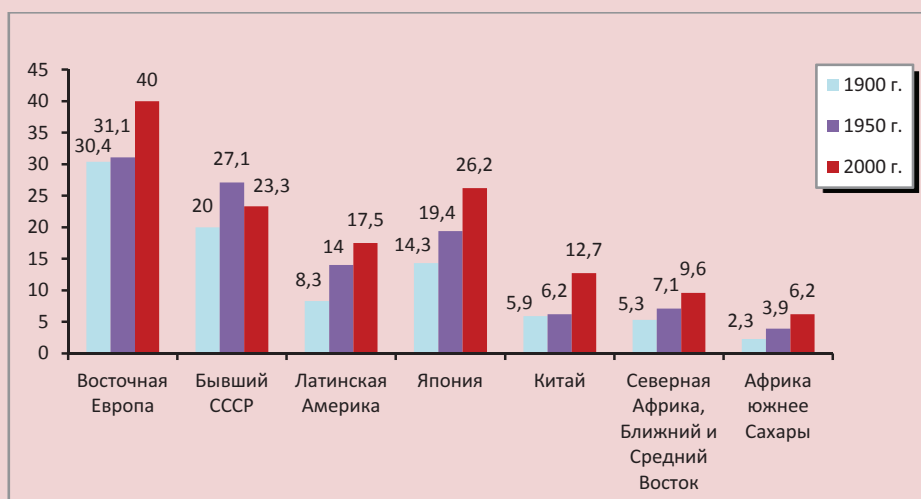

Рисунок 6. Занятость в промышленности (в незападных странах) (по данным ИМЭМО РАН)

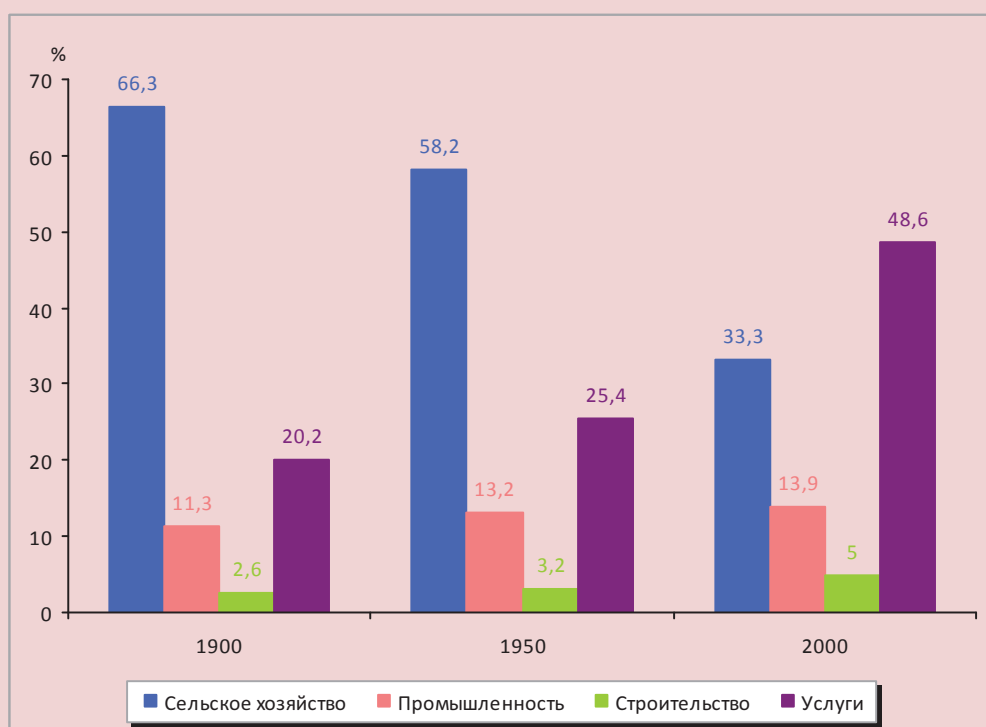
Та же картина и в общемировом масштабе. За исключением периода «великой депрессии», удельный вес промышленности в валовом внутреннем продукте мира с начала двадцатого века неуклонно возрастал. На современном этапе этот показатель возрастает еще быстрее (рис. 7).

Таким образом, вопреки прогнозам постиндустриалистов мир вступает сегодня не в постиндустриальную, а в неоиндустриальную фазу развития.

Та же картина наблюдается и применительно к аграрному сектору. Многократно приводились цифры, свидетельствующие о сокращении доли занятых в сельском хозяйстве.

Однако эти цифры далеко не однозначны. Вывод о наличии тренда свертывания удельного веса аграрного производства проистекает из жесткой, в реальности практически нигде не встречающейся дифференциации трех секторов экономики.

Рисунок 7. Динамика отраслевой структуры занятости в мире (по данным ИМЭМО РАН)

Современный производственный процесс имеет многоэтапную технологическую структуру. Крестьян, непосредственно работающих на земле, сегодня не так много. Однако с аграрной сферой связан широкий спектр причастных отраслей. К какому сектору экономики их относить, если конечный целевой ориентир в данном случае — сельхозпроизводство? Как правило, современная статистика относит содействующие отрасли к промышленности или сервису. Но правильна ли проводимая дифференциация?

Бурное развитие промышленности потянуло за собой и сельское хозяйство (рис. 8). Техническое оснащение азиатского и латиноамериканского села не могло не сказаться положительным образом на производительности крестьянского труда в соответствующих регионах. Бывшая периферия «третьего мира» атакует Запад, не только осваивая промышленные технологии, но и по традиционному для себя

сельскохозяйственному направлению. Еще в 1980-е годы основным центром аграрного производства мира являлась Западная Европа. Сегодня ситуация принципиально иная — первые две строчки уверенно занимают Китай и Индия (рис. 9).

Развитие аграрного сектора мира состоит не только в его техническом переоснащении, но и в освоении новых земель. Этот показатель в целом по миру также растет (рис. 10).

Получается, что основополагающий тезис концепции постиндустриального общества о свертывании секторов товарного производства не подтверждается ни во временном, ни в географическом пространствах при его статистической верификации. По отношению к сфере индустриального производства речь идет о некорректном обращении с фактическими данными, в сфере аграрного производства — о подмене абсолютных показателей роста относительными величинами.

Рисунок 8. Доля в мировом производстве сельского хозяйства ряда незападных стран (по данным ИМЭМО РАН)

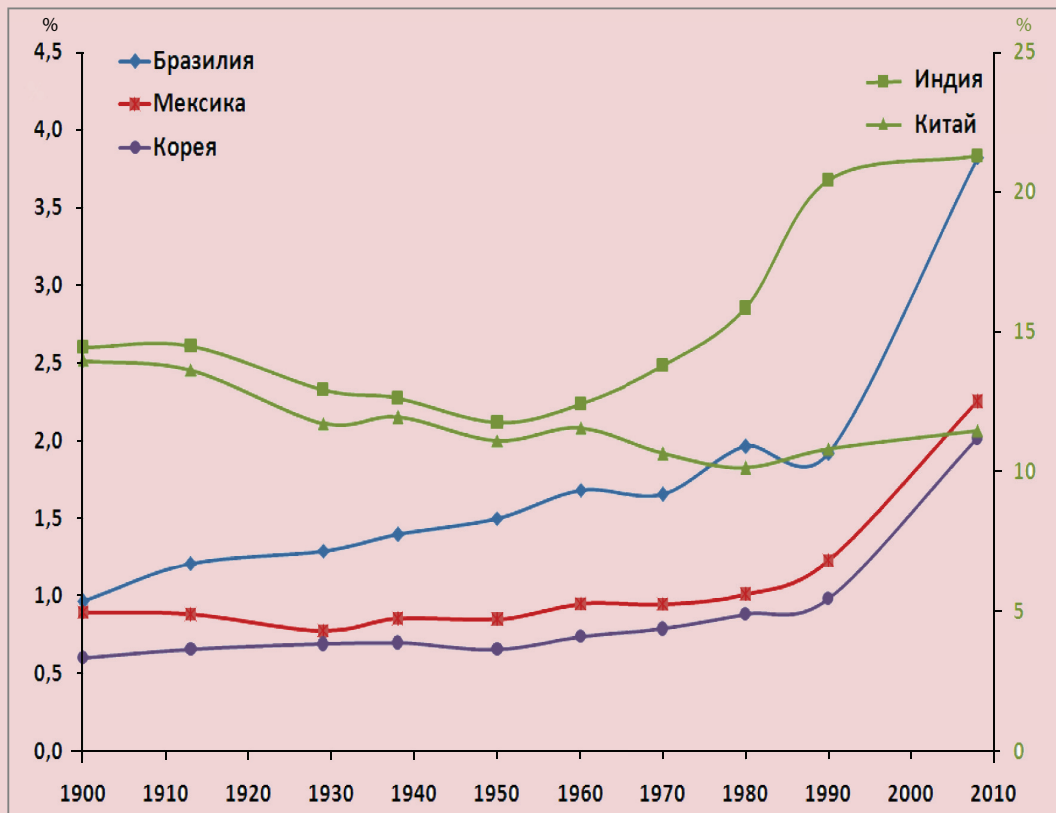

Рисунок 9. Страны-лидеры в мировом сельскохозяйственном производстве (по данным ИМЭМО РАН)

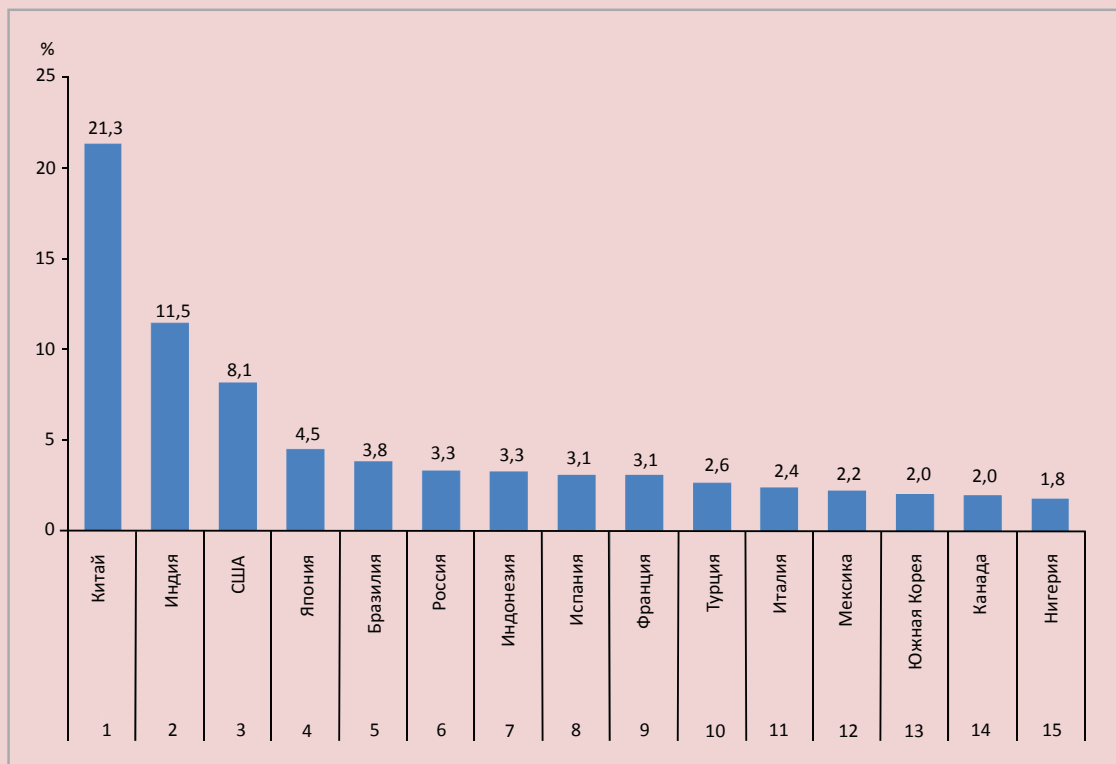
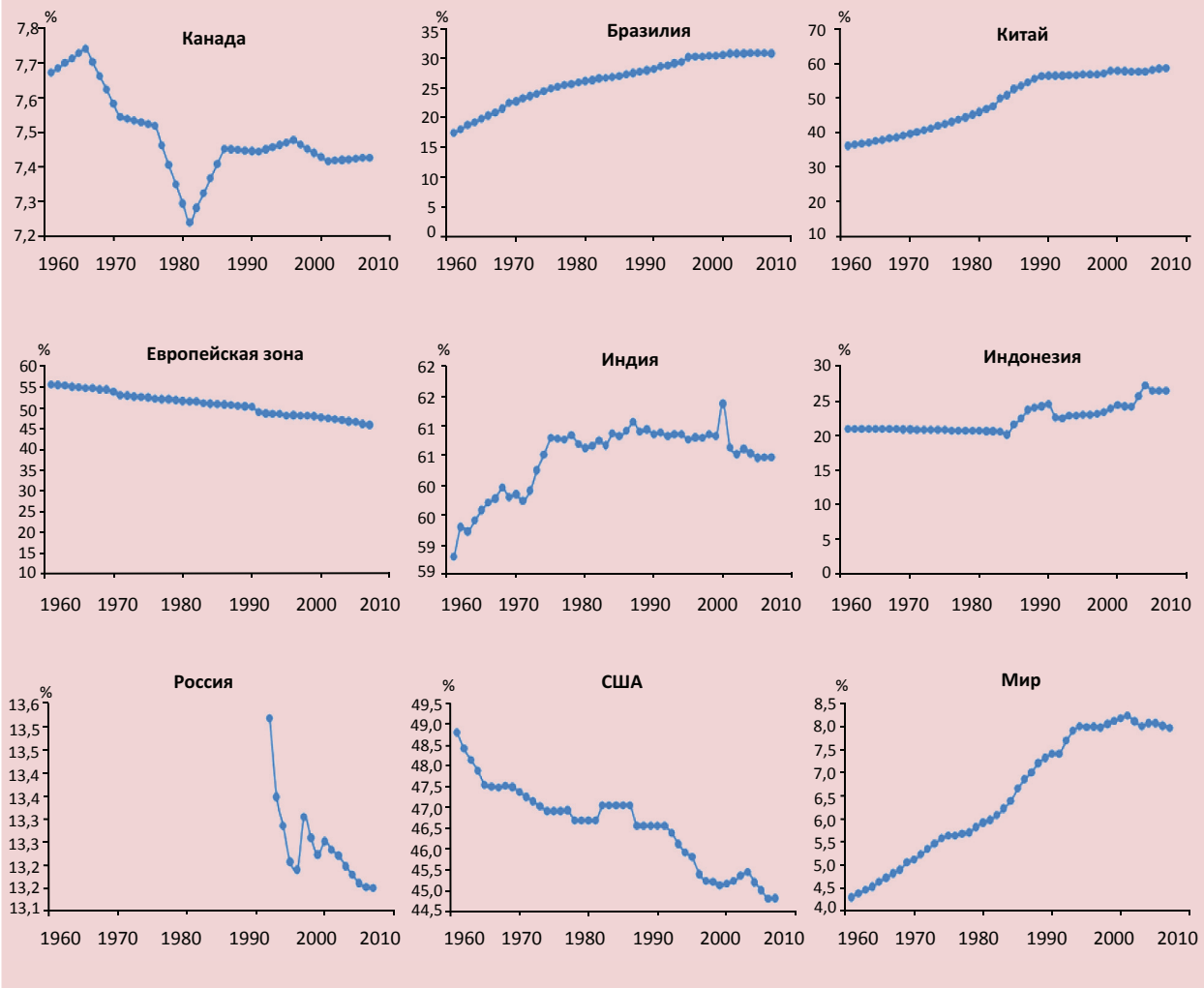

Рисунок 10. Обрабатываемые сельскохозяйственные земли, в % к общей площади в странах мира (по данным ИМЭМО РАН)

За тренд постиндустриализма выдается новая геоэкономическая модель мирового разделения труда, которая воспроизводит систему глобального доминирования в форме современного неокOLONИализма.

Таким образом, претендующая на место в мировой науке и широко тиражирующаяся теория постиндустриализма не выдерживает логической и феноменологической верификации. Концепт постиндустриализма выходит за рамки собственно научной теории. Он содержит систему идеологических вложений, интенсивно используемых в политической практике — как внутри западного общества, так и в

программе глобализации. Выступающий в качестве ядра мир-системы Запад позиционируется как сервисный центр мира. На поверку современная схема сервисизации в финансовом смысле — это та же схема, в рамках которой метрополии когда-то извлекали из колоний блага, пользуясь насилием. Геополитические «координаты» в ней увязываются сегодня с определенной структурой отраслевого разделения труда (рис. 11).

Идеологическое оформление этой схемы сегодня — интеллектуализированные теории, такие как постиндустриализм или глобализм.

Рисунок 11. Современная неоколониальная модель международного разделения труда

Периферия обеспечивает Запад товарами реальных секторов экономики. Причем каждой из включенных в глобализационную систему периферийных стран отводится своя ниша в мировой специализации. Выделяются три типа такой специализированности.

1. «Банановые республики».
2. «Сырьевые республики».
3. «Сборочный цех».

Именно благодаря этому обеспечению со стороны периферии Запад смог перекавалифицироваться на преимущественное развитие сферы услуг, в которой доминируют финансы.

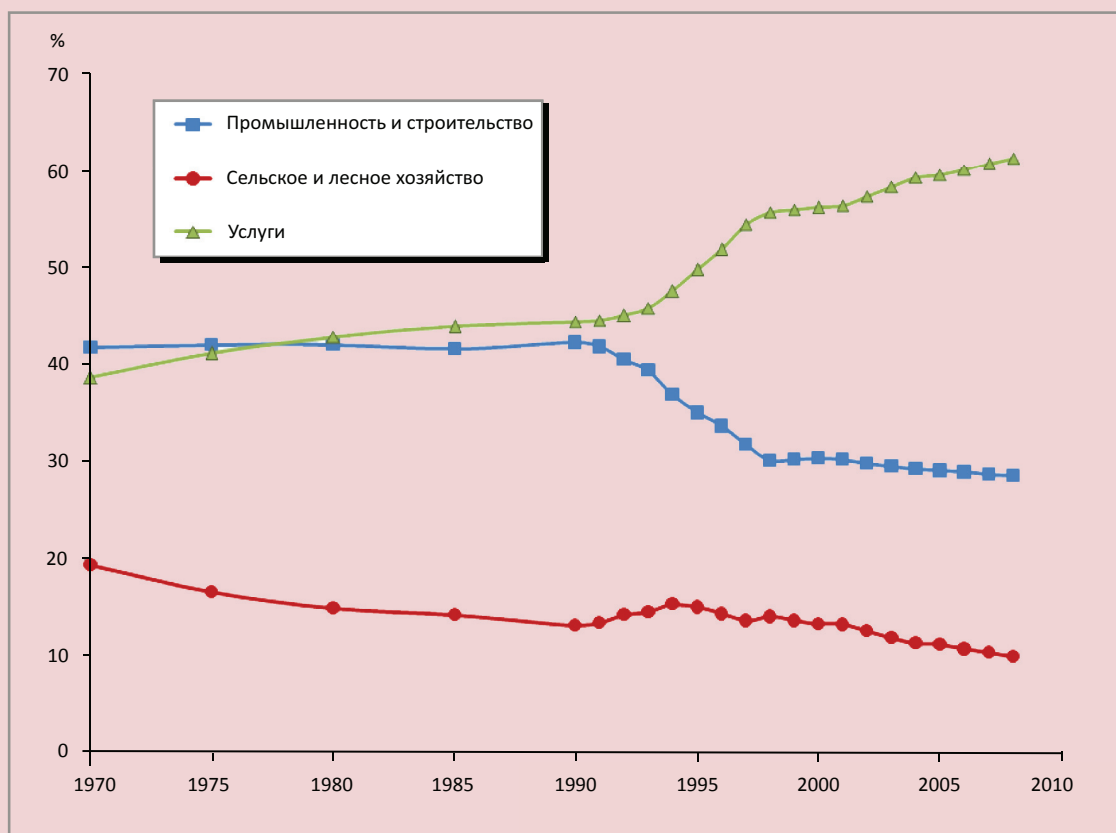
Россия в последнее двадцатилетие, последовательно реформируя свою национальную экономику, устремлена в мировом разделении труда в состояние страны полупериферии второго типа. В 1990-е гг. процесс деиндустриализации экономики России приобрел обвальный характер. Это были, по-видимому, самые высокие за всю историю мировой экономики темпы сервисной трансформации.

Деиндустриализация 1990-х выразилась даже в некотором повышении удельного веса в структуре занятости сельского и лесного хозяйства. Наступивший в России по формальным имманентным признакам постиндустриализм приобрел вид экономической и социальной архаизации (рис. 12).

Россияне стали больше торговать и заниматься финансовыми операциями, но при этом меньше работать над производством реальных товаров в промышленном и аграрном секторах⁹. В целом тенденции российского развития в условиях избранной модели в координатах «улучшение-ухудшение» за 10 лет (2000 – 2010 гг.) выглядят практически бесспорными. Происходит общее ухудшение многих экономических, социальных, гуманитарных показателей страны.

⁹ Ларуш Л. Физическая экономика. – М., 1997; Тукмаков Д. Уподобление Богу (Физическая экономика Ларуша как преодоление энтропии) // www.zavtra.ru

Рисунок 12. Среднегодовая численность занятых в экономике России (источник: Росстат)

Кроме докризисного роста избыточно замороженных суверенных финансовых средств и внешнеторгового оборота, все остальные показатели ухудшаются или остаются на неприемлемом уровне, зачастую рекордном.

Таким образом, если выразиться предельно конкретно, то фронтального стадияльного *постиндустриализма*, как и соответствующего постиндустриального общества, постиндустриального перехода, в точном смысле терминов не существует. Максимум, о чем может идти

речь, — это о пространственно-временной динамике секторальной структуры производства. В глобальном плане описанный механизм воспроизводит пространственную конструкцию неокOLONИализма, в том числе в современной форме — форме финансовой эксплуатации. Информационным обрамлением этой модели являются теории типа «конца истории», «войн цивилизаций», «мирового исламского терроризма» и, наконец, — постиндустриализма. Подобные концепты с неизбежностью будут появляться и в дальнейшем.